

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ: СОЦИОЛОГО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Автор: В. И. СТАРОВЕРОВ

В феврале 2010 г. исполнилось 70 лет заслуженному деятелю науки РФ, доктору философских наук, профессору, главному научному сотруднику Института социально-политических исследований РАН Владимиру Ивановичу СТАРОВЕРОВУ. В 1964 г. он окончил МГУ, в 1970 г. защитил кандидатскую, в 1977 г. - докторскую диссертации. С 1969 по 1990 гг. работал ст. научным сотрудником, зав. сектором социологии крестьянства и деревни ИСИ АН СССР, с 1990 - зав. отделом социальной структуры и социальной стратификации, зав. сектором социологии сельского хозяйства, гл. научным сотрудником ИСПИРАН.

Владимир Иванович стоял у истоков создания журнала "Социологические исследования", был членом редколлегии, зам. главного редактора.

В трудах "Город и деревня" (1972), "Социально-демографические проблемы деревни" (1975), "Интенсификация социально-экономических процессов в деревне" (1976), "Нечерноземье: социальные проблемы деревни" (1977), "Деревня в условиях интеграции" (1979), "Социальная структура сельского населения СССР" (1976, 1979, 1981), "Крестьянство в изменяющихся условиях" (1992), "Личное подсобное хозяйство" (1995) разрабатываются теория, методология и методы социологического изучения социальной структуры и стратификации, механизмы, закономерности и тенденции изменений в ней в советский период и в условиях радикально-либеральной перестройки; методологические проблемы сельской социологии, включающей, по мнению Староверова, социологию деревни, аграрную социологию и др. частные социологические дисциплины; междисциплинарная область познания - крестьяноведение и ее составная часть - социология крестьянства.

Редсовет, редколлегия и редакция журнала поздравляют Владимира Ивановича с юбилеем, желают успехов, здоровья, благополучия и выражают уверенность, что верность науке будет и в дальнейшем ориентиром в его творчестве.

Ниже публикуется статья юбиляра.

СТАРОВЕРОВ Владимир Иванович - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Аннотация. В статье анализируются исторические спирали развития крестьянства, освещаются противоречия изменений в российском крестьянстве в новое и новейшее время, рассматриваются расхожие мифы о социальной миссии крестьянства и процессах раскрестьянивания России, характеризуется современное состояние этой общности и ее перспективы.

Ключевые слова: *крестьянство * его сословный и классовый характер * социальная миссия крестьянства * раскрестьянивание * детерминанты раскрестьянивания * деклассирование*

Тема раскрестьянивания России в последнюю четверть века стала одной из обсуждаемых. И не столько в силу ее значимости для современной российской социально-экономической жизни, сколько по причине идеолого-политической и агитационно-пропагандистской эффективности ментально-манипулятивной деятельности, направленной сначала на обеспечение условий для свержения советского строя, а сегодня - на искоренение ностальгии по нему населения. Все это в полной мере анализировалось на Всероссийской научной конференции "Миссия крестьянства в формировании социального государства", состоявшейся в конце октября 2009 г. в Белгороде с участием руководителей Минсельхоза, Совета Федерации, отечественных и зарубежных исследователей-аграриев. Даже формулировки тем многих сообщений на этом форуме имели связь с выше названными задачами.

Рефреном большинства выступлений были темы раскрестьянивания и миссии крестьянства в строительстве социального государства. Хотя, по-моему мнению, прежде чем говорить об этом, необходимо определиться в том, что представляет собой крестьянство и кто является сегодня крестьянином. Лет 40 назад видный крестьяновед Т. И. Шанин опубликовал многократно переиздававшуюся потом хрестоматию "Великий незнакомец", в которой собрал 57 отрывков из работ виднейших ученых мира, пытавшихся определить этот социально-исторический феномен. И все их дефиниции характеризовали какие-то действительные черты крестьянства, но в целом противоречили друг другу. Сегодня это разномыслие, если судить по выступлениям на указанной конференции и публикациям в печати, еще более усилилось.

Сам Шанин определил крестьян как мелких сельскохозяйственных производителей, которые используют *простой инвентарь* и труд членов своей семьи, работают - прямо или косвенно - на удовлетворение собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти [1]. Иначе говоря, как реликт доиндустриальной эпохи. Тем не менее, в его дефиниции крестьянства есть определенный исторический смысл. Особенно в свете концепций детерминации общественной истории цивилизаций последовательной сменой технологических укладов.

В современной России - это разрабатываемая академиком С. Ю. Глазьевым и его коллегами концепция экономического и в целом общественного развития под воздействием глобальных технологических сдвигов. На Западе, прежде всего, концепция волнового развития цивилизаций А. Тоффлера и концепции теоретиков перехода общества из индустриального в постиндустриальное состояние Д. Белла и З. Бжезинского.

Выделяемые первой концепцией шесть технологических укладов тесно коррелируют со спиралями общественного формационного развития, в свете которого социальная природа и историческая судьба крестьянства отражены довольно слабо. Ясно только, что она, подобно Протею, видоизменяясь, проходит с момента своего появления через ряд формаций, пока не начинает трансформироваться в иные социальные общности в Новое и Новейшее время, то есть в условиях индустриальной стадии капитализма и посткапитализма.

У Тоффлера основания для такой общественно-исторической устойчивости, естественно, относительной, крестьянства в качестве социальной общности более явственные. Он выделяет три цивилизационных волны технологических изменений: аграрную, индустриальную и информационную. В этом случае общественная природа крестьянства отражает аграрную, а его социетально-историческая судьба еще и индустриальную цивилизационно-технологическую волну. Причем в двух ипостасях - сословной и социально-классовой.

По словам В. И. Ленина, крестьянство - это класс и не класс. В эпохальных масштабах - это *сословие*, в условиях формационно-классового характера экономической истории человечества - это *класс*: один из основных на ее феодальном этапе, более или менее значимый, но в целом дополнительный в дофеодальные и постфеодальные времена.

Вырисовывается следующий алгоритм исторической субъектности крестьянства. На гребне аграрной цивилизационной волны технологических изменений оно во всех обществах функционировало, а в некоторых традиционных общностях и сейчас функционирует как общественный класс и составляло(ет) большую или меньшую часть *сословия аграрного населения*. По мере перехода аграрной волны в индустриальную крестьянство начинает утрачивать материальные основания своей жизнедеятельности, которая тысячелетиями была органически связана с природой, с "биосферными технологиями". Если до этого, по словам Маркса, "каждая отдельная крестьянская семья... производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни больше в обмене с природой, чем в сношениях с обществом" [2], то индустриальные технологии потребовали включения в более интенсивные и устойчивые отношения с обществом. И с этого началось социально-духовное сословное раскрестьянивание - уменьшение его доли и численности в аграрном сословии, качественные сдвиги в его культуре, морали и нравственности.

Но с этого же момента начинается ослабление и социально-классовой значимости крестьянства, которое лишь опосредованно связано с технологическими изменениями. Системообразующим фактором этой связи была община как основа социально-хозяйственной организации крестьянского агродела. Утрачивая общинную базу его аграрного дела, крестьянство теряет объективные основания своего существования в качестве общественно-исторического субъекта и начинает замещаться другими социальными типами аграрного сословия.

Это понял уже на заре становления капитализма французский классик экономики физиократ Ф. Кенэ, выдвинувший альтернативой крестьянству фермерский тип земледельца-предпринимателя. Что произошло в связи с тем и в тот момент, когда интенсивно формировавшаяся капиталистическая частная собственность, оплодотворенная духом протестантизма, стала интенсивно завершать начатое ею раньше разрушение западной общины-марки. Поэтому в США, чье агродело создавали раскрестьяненные частной собственностью западно-европейские аграрные мигранты, оно и приняло

фермерско-предпринимательскую форму. По словам Р. Пайпса, "страна, ставшая Соединенными Штатами... была основана людьми, бившимися за частную собственность" [3], в том числе в аграрном деле.

По тому же пути пошло с некоторой исторической задержкой и аграрное развитие стран Западной, а еще позднее и Восточной Европы, включая Россию, уничтожившей национальную земледельческую общину. Но это путь, в корне противоречащий общественной, как сословной, так и классовой, природе корневых истоков возникновения и функционирования крестьянства. В связи с чем можно сказать, что объективные основания для общественно-исторической субъектности крестьянства в современной России фактически разрушены, и мы имеем дело с его остатками. Поэтому, пытаясь сегодня говорить о социальной миссии крестьянства, в действительности говорят об аграрном населении и об аграрном деле вообще, а не об их крестьянской составной.

В свете сказанного необходимо хотя бы кратко коснуться ряда мифов вокруг темы раскрестьянивания России, а именно: об исторической уникальности раскрестьянивания России; об уникальности характера многострадальной судьбы российского крестьянства; о злой роли в раскрестьянивании России социалистической коллективизации.

1. Раскрестьянивание России началось отнюдь не в 20 - 30 годы прошлого века, как утверждают отечественные и зарубежные мифотворцы, а на несколько столетий раньше. Промышленная модернизация петровской России, строительство уральской и иной промышленности обеспечивались трудом, отнюдь, не мещан или дворян, а приписанных к заводам крепостных и посессионных крестьян, ставших рабочими не по своей воле, а по указам царей и их доверенных агентов-крепостников. Но дело шло вяло из-за господства в стране крепостнического уклада хозяйства, и поэтому была осуществлена так называемая Великая крестьянская реформа 1861 г. "Так называемая крестьянская" потому, что ее логичнее было бы назвать реформой, давшей старт интенсификации, с одной стороны, капиталистического развития, с другой, - раскрестьянивания России.

Оба этих процесса были объективным выражением цивилизационно-технологической необходимости, решение которой обеспечивало сохранение страной своей исторической субъектности в качестве мировой державы. Вместе с тем у этих процессов были альтернативные пути, обеспечивавшие возможность избежать уже проявившихся на Западе социальных "язв капитализма", сохранение крестьянства, социальную адаптацию его к парадигме индустриализма. В частности, эти альтернативы были обоснованы в известном письме К. Маркса народоуправителю В. Засулич об исключительной роли для такой адаптации господствовавшей в российской деревне общины [4]. Но, как известно, эти альтернативы неизбежно вывели бы Россию на путь строительства социализма, а это для ее властей было неприемлемо.

Особо мощный толчок капитализации и раскрестьяниванию России дал П. Столыпин, охарактеризованный основоположником российской социологии М. Ковалевским в его фундаментальной работе "От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму" как революционер от верхов. По сути, Столыпин и Ленин были оба революционерами, но с принципиально разными знаками политэкономической социальности. Оба оценивали капитализм как прогрессивный шаг страны от крепостничества. Но Столыпин нацелен был на утверждение капитализма и закрепление его в качестве незыблемой вершины исторического развития России. И потому сознательно разрушал препятствующую этому общину, насаждая взамен ее аграрное фермерско-хуторское частное предпринимательство, противоположное своей общественной природой крестьянству [подробнее см. 5].

Ленин, приветствуя расчистку крепостничества и формирование капитализма, и переосмыслив в свете новых реалий многие постулаты не только народничества, но и марксизма предшествовавшего столетия, обозначил стратегию развития России к

социализму через кооперацию, которая в новых условиях становилась трансформированной формой общинности и, следовательно, обеспечивала вовлечение на этот путь крестьянских масс и их сохранение в качестве активного исторического субъекта. Но, естественно, и он не мог предложить формы его консервации в качестве субъекта истории. Это противоречило бы тенденциям универсальной поступи цивилизационно-технологических и детерминируемых ими общественных изменений.

Поэтому, когда страна стала развиваться в соответствии с выработанной Лениным и его сподвижниками стратегией, сокращение численности российского крестьянства продолжалось, и даже усилилось, отражая процессы вынужденной в силу ее исторического отставания ускоренной индустриализации национального хозяйства, без чего страну уничтожили бы в неумолимо назревавшей мировой войне. Но это было выражением не уникальности раскрестьянивания в России, а его общецивилизационных, мировых тенденций.

Слов нет, и сегодня крестьянство составляет еще почти треть мирового населения, но сосредоточено оно в странах, где проживает 85 - 90% из 1,2 млрд. страдающих от голода жителей планеты. Та же участь ожидала бы и знавшее неоднократно ужасы массового голода население России, игнорируй большевики названные тенденции.

2. Что касается уникальности многострадальной судьбы крестьянства в России, то в современных условиях и это не более, чем идеологический, мало значимый для хозяйственной практики, но обладающий значительным социально-манипулятивным потенциалом миф.

Во-первых, участь мелких сельскохозяйственных предпринимателей одинакова во всех индустриально развитых странах. В США за столетие перехода его агродела от аграрной цивилизационно-технологической волны к индустриальной численность их уменьшилась в 6 раз, в странах Западной Европы за время такого перехода в 10 - 15 раз. И нелепо полагать, что вынужденная необходимость большинства фермеров проходить через безработицу и нищету была легче судьбы раскрестьянивавшихся путем перелива в иное общественное качество мелких российских агропроизводителей.

Во-вторых, в современной России не менее многострадальна судьба других классов и сословий, притом, не только утративших, но и сохранивших объективные материальные и экономические основания для своего функционирования в качестве социальных субъектов истории, и тем не менее влачащих ныне жалкое существование, прежде всего, по причине субъективизма волонтаристской доло-политики [6] современных (нео)либеральных реформаторов.

Многострадальна судьба всего российского населения, потерявшего в последние полтора десятилетия 16 млн. человек, деградирующего психофизически и социокультурно, и все глубже захватываемого синдромом национального социально-демографического самоубийства.

3. Третий миф - о пагубности для российского крестьянства социалистической коллективизации. Она, безусловно, прошла для него не без издержек, но кто может определенно сказать, что эти издержки были большими, чем если бы оно было раскрестьянено путем неизбежной при капитализме пауперизации основной массы крестьянства?

Что касается социальных издержек для крестьянства от перегибов при проведении коллективизации, то ответственность за них несут отнюдь не только, и главное, не столько большевики. Напомню, что на первых порах Наркомзем России возглавляли эсеры, а затем троцкисты и бухаринцы, бывшие адептами построения "казарменного коммунизма" на принципах принуждения не только крестьян, но и всех других категорий населения, включая, как говорил Бухарин, самих рядовых коммунистов. И это их элиты, - Сырцов на Дону, Эйхе в Сибири и т.д., - активничали в расказачивании и раскулачивании, за что и подверглись в конце 1930-х годов репрессиям. А их потомки успешно переложили в конце прошлого столетия вину за разукрашенные ими в анти-

Таблица 1

Динамика профессионализации крестьян* (в % к численности занятых)

Заняты трудом	1930**	1950***	1965	1990
Конно-ручным	57	39	32	21
Ручным	40	43	34	26
Частично механизированным	3	5	11	14
Механизированным	-	-	11	19
Преимущественно умственным	-	13	12	20

* Профессиональная классификация колхозников за 1950 и последующие годы рассчитана по данным хозяйственных книг.

** По данным опроса ретроспективного характера.

*** Механизаторы обслуживали колхоз, но числились в государственной МТС.

колхозном духе перегибы при коллективизации со своих предков на их политических противников.

Если же оценивать коллективизацию сельского хозяйства объективно, то для российского крестьянства это была великая, социально-гуманная по своей сущности, аграрная реформа. Она продлила действенность общинных принципов аграрного хозяйствования и таким образом *сохранила крестьян в социально обновленном виде*, на привычной им, трансформированной кооперативными принципами общинной основе.

Более того, она обеспечила адаптацию этого "реликта доиндустриальной эпохи" к историческим потребностям индустриализации аграрного дела, прежде всего, путем оплодотворенной знаниями научно-технической профессионализации крестьянства. Исследуя в 60-е годы причины миграции сельского населения в города, а затем, - на излете горбачевской перестройки, - изменения в социально-профессиональной структуре колхозного крестьянства, я получил следующую динамику процессов профессионализации коллектива колхоза имени Ленина Старорусского района Новгородской области, в основании которого лежали 687 единоличных крестьянских хозяйств, коллективизированных на рубеже 20 - 30 гг. в 11 сельхозартелей, преобразованных в 40-е годы в самостоятельные колхозы и объединенных в пору хрущевской эпохи их укрупнения в единое хозяйство, просуществовавшее до развала колхозно-совхозного строя в начале 90-х годов (табл. 1).

Безусловно, данные выборочного обследования не могут претендовать на всероссийскую репрезентативность, тем более что Новгородская область существенно пострадала в годы Отечественной войны, чем и обусловлено резкое в сравнении с показателями колхозов восточных областей снижение по причине гибели и угона фашистскими оккупантами лошадей доли занятых конно-ручными работами и рост доли занятых ручными работами, но в целом тенденции динамики профессионализации коллектива совпадали с общероссийскими. Медленный рост доли занятых при машинах и механизмах колхозников объяснялся сначала уничтожением оккупантами довоенного машинного парка, а затем более быстрым ростом контингента механизаторов, перешедших в ходе реорганизации МТС из госсектора в колхоз.

Что касается работников преимущественно умственного труда, то первоначально высокая доля их объяснялась наличием в каждой сельхозартели своего учетно-организационного аппарата, а затем более быстрым ростом в колхозе агрономов и инженеров (ранее они числились в штате МТС), зоотехников, ветеринаров и т.п. работников.

В целом данные таблицы 1 свидетельствуют, что колхозное крестьянство успешно адаптировалось к условиям индустриальной технологической волны и имело все

Таблица 2

Динамика крестьянско-фермерских хозяйств и ЛПХ

Год	Число КФХ (тыс.)	Средний размер (га)	Число ЛПХ (млн.)	Сред, размер (га)
1990	0,4	38	17,6	0,32
1992	182,8	43	19,3	0,35
1994	282,7	43	17,5	0,36
1995	280,1	43	16,3	0,37
2000	261,7*	58	16	0,39
2005	257,4*	75	16	0,44
2009	195**	112	15,7	1,01

Источники: Россия (РСФСР) в цифрах: официальное издание за соответствующие годы; за 2009 г. расчеты ИАС.

* С учетом малых индивидуальных хозяйств АПК;

** расчет ИАС без учета малых индивидуальных хозяйств АПК.

шансы на долгие годы сохраниться в качестве активного субъекта социальной жизни России. Численно оно сократилось в результате миграции в города и преобразования колхозов в совхозы, но в 80-е годы оба эти процесса стали характеризоваться замедлением их темпов.

А настоящее раскрестьянивание произошло у нас на глазах, именно в годы радикально-либеральных и неолиберальных реформ, ставших субъективным выражением капиталистической реставрации общественного строя России. Об этом убедительно свидетельствуют официальная статистика, результаты сельскохозяйственной переписи 2006 г., а также данные выборочных обследований, проведенных автором в 1991 - 2009 гг. в рамках мониторинга формирования и функционирования крестьянского социально-экономического бытия, осуществляемого Институтом аграрной социологии и сектором социологии крестьянства ИСПИ РАН.

В табл. 2 отражена динамика формирования и развития крестьянско-фермерского сектора и сектора хозяйств населения (ЛПХ), которые должны были компенсировать ликвидацию колхозно-совхозной экономики. По мнению И. Н. Буздалова, Т. И. Заславской, А. М. Емельянова, А. А. Никонова, взамен колхозов и совхозов предполагалось сформировать 3 - 4 млн. единоличных земледельческо-животноводческих парцелл, которые совместно с обеспеченными малой механизацией ЛПХ должны были стать фундаментом возрождения крестьянства как класса мелких частных агропроизводителей. Реальная же динамика реализации вышеназванных замыслов получилась следующей. Резвый старт развития крестьянско-фермерского сектора, достигнув пика в 1994 г., сменился стагнацией, а затем ускоряющимся спадом. Основной причиной резвого старта было то, что сектор крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ), использованный в начале 1990-х гг. в роли организационного тарана развала колхозно-совхозного строя, в отличие от последнего пользовался преференциями в кредитовании, снабжении средствами производства и т.п. льготами. В эти годы доля горожан, становившихся в этом секторе новохозяевами, достигала 40%, а в черноземных регионах и того более. Это были преимущественно родственники и знакомые региональных и местных руководителей, возжелавшие получить бесплатно землю и безвозмездные госкредиты на "обзаведение". Символом либеральной политики "возрождения крестьянства" этого периода стал архангельский "псевдомужик" фермер Н. Сивков. Производственно-экономические "успехи" его зиждились на упомянутых преференциях и технологиях самоэксплуатации, но о нем выпускались рекламные фильмы и непрестанно вещали с экранов телевидения, в эфире, со страниц прессы бывшие певцы колхозно-совхозного строя публицисты А. Стреляный, Ю. Черниченко, партукрат В. Башмачников, а также ученые-аграрники, социологи и псевдосоциологи.

Таблица 3

Группировка КФХ, индивидуальных агропроизводителей и ЛПХ по размеру землевладения

Показатели	Доля КФХ (%)	% от общего землевладения	В среднем на одно хоз-во (га)
Не имеют земли	17,2	-	-
Имеют до 3 га	20,7	0,3	1,7
4 - 10 га	16,3	1,0	6,7
500 - 1000 га	2,0	13,8	703,8
1001 - 100 тыс. га	1,6	50,7	1220 - 55862
	Доля ЛПХ		
Имеют до 0,5 га	9,5	0,6	0,03
0,06 - 0,10 га	19,9	3,1	0,08
0,11 - 0,15 га	18,2	4,7	0,13
0,16 - 0,20 га	11,1	3,9	0,18
Свыше 10 га	0,5	35,3	35,57

Источник: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года. Вып. N 1. М.: Госстат, с. 50 - 53.

К середине 1990-х гг. колхозно-совхозный строй был уже в основном развален. Свидетельством тому является то обстоятельство, что сегодня в деревне функционируют единицы колхозов и совхозов, поэтому статистики ставят в графе удельного веса их в структуре аграрных хозяйств прочерк. В этот период в сектор КФХ потянулись бывшие колхозники и труженики совхозов, но именно в данные годы в целях перекачки средств ведомого к дефолту национального хозяйства в пользу пресловутых "стратегических собственников" его стали постепенно лишать былых льгот.

Фермерские новоделы из горожан законсервировали использование земли до окончания моратория на ее продажу, оставив за собой возведенные на безвозмездные госкредиты усадьбы в качестве загородных дач. Новохозяева же этого периода из числа коренных земледельцев, обнаружили, что они оказались в положении всех прочих субъектов-изгоев российского аграрного дела, объявленного "черной дырой". В то же время радикально-либеральные младореформаторы и возвращаемые ими "стратегические собственники" стали все сильнее эксплуатировать путем наращивания диспропорций цен на сельхозпродукцию и обеспечивающие потребности агропроизводства средства и услуги, повышения процентов на кредиты, отстранения агропроизводителей от рынка в пользу полчища посредников и т.п. манипуляции. Доля убыточных хозяйств среди них стала зашкаливать за 70%, и это обстоятельство породило эпидемию самоликвидации КФХ. Уже в 1995 г. количество ликвидированных и законсервировавших свою деятельность КФХ превысило численность новоделов в этом секторе, и он начал, чем дальше, тем быстрее, численно сокращаться.

Катастрофический для всей экономики дефолт 1998 г. несколько улучшил положение российских аграриев тем, что притормозил из-за нехватки валюты рост продовольственного импорта, что повысило спрос на отечественные сельхозпродукты. Тенденция сокращения численности КФХ стала менее интенсивной, но не исчезла. Тем более, что старые беды его - диспропорции цен, удорожание кредитов, засилье продовольственного импорта, - стали возрождаться еще в больших масштабах.

На тенденции динамики сектора хозяйств населения (ЛПХ) влияли те же факторы, а кроме того обстоятельства, созданные гайдаровской политикой "шоковой терапии", от которой больше всего пострадали рядовые горожане. Лишившись сбережений и работы, они в массовом порядке стали мигрировать на село, где легче было, особенно многодетным семьям, прокормиться за счет подворья. В начале 1990-х гг. миграционный приток населения деревни превысил отток из нее, в результате отмечался общий

Таблица 4 Группировка КФХ, индивидуальных агропроизводителей и ЛПХ по поголовью скота, свиней и птицы (в %)

Показатели поголовья	Доля КФХ (%)	% от общего поголовья	В среднем на одно хоз-во (голов)
Крупный рогатый скот			
Не имеют	75,9	-	-
Имеют до 3 голов	4,7	1,1	2
3 - 5...	5,3	3,1	3
6 - 10...	4,1	8,4	6
101 - 300	0,9	21,5	166
301 - 500	0,2	9,4	385
Св. 500	0,1	16,8	861
Свиньи			
Не имеют	87,6	-	-
Есть до 3 голов	3,6	1,8	2
3 - 5 голов	1,8	2	4
6 - 10...	2,2	4,5	8
201 - 300	0,1	7,8	252
301 - 500	0,1	10	394
501 - 700	0,05	6,2	593
701 - 1000	0,01	6	835
Св. 1000	12,4	16,6	2062
Птица			
Не имеют	86,7	-	-
До 6 голов	0,5	0,1	4
6 - 10...	1,5	0,6	9
3000 - 5000	0,1	2,9	3941
Св. 5000	13,3	58,9	24633
ЛПХ			
Не имеют КРС	76,4	-	-
Имеют 1 голову	4,1	0,6	0,2
Св. 10 голов	0,4	10,7	18
Нет свиней	82,7	-	-
1 голова	5,2	9,9	1
2 - 5 голов	10,2	50,5	3
Св. 10 голов	0,6	21,6	18

Источник: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года. Вып. N 3. М.: Госстат, с. 116 - 118. рост численности сельского населения и количества ЛПХ. Но вскоре сложности ведения подворья стали возрастать, материальные и социальные условия жизни в деревне стали ухудшаться быстрее, чем в городе и началась новая волна миграционного оттока селян в города, и как следствие численности сельского населения, так и количества ЛПХ.

В комментируемой таблице обращают на себя внимание особенности тенденций динамики КФХ и ЛПХ в текущем десятилетии. Чтобы их оценить, посмотрим на данные еще двух таблиц, характеризующих структуру и масштабы сектора, поименованного "крестьянско-фермерским", а заодно и на структуру и масштабы сектора ЛПХ (см. табл. 3).

По данным подавляющее число КФХ составляют мелкие крестьянские хозяйства, а львиная доля земли принадлежит нескольким процентам крестьянско-фермерских хозяйств, размерами с хорошую американскую или иную капиталистическую агролатифундию, превзошедших масштабами прежние колхозы и совхозы, использующих наемный труд. То же самое демонстрируют данные земельных группировок структуры и масштабов хозяйств населения, особенно личных. Здесь также своими масштабами поражают ЛПХ, несоизмеримые масштабами землевладения с карликовыми подворьями основной массы сельского населения.

Подтверждают сказанное и группировки КФХ и ЛПХ по количеству в них скотины, свиней, птицы (табл. 4). Очевидно, что крупные КФХ и подворья выходят за рамки возможностей единоличного крестьянствования. Да они и не являются на деле крестьянскими. Крупные КФХ и ЛПХ просто прикрываются маркой подворья и крестьянско-фермерского сектора, чтобы пользоваться льготами налогообложения, финансирования и т.д., отнимая их с помощью чиновничества от мелких производителей, превращаемых в жалкую общность социально-экономических маргиналов.

За период 2006 - 2009 гг., как показывают данные выборочных обследований, доля латифундистских по общественной природе хозяйств резко возросла, особенно в крестьянско-фермерском секторе. Связано это с коррупционным характером реализации "Приоритетного национального проекта АПК", на осуществление которого было израсходовано несколько сот миллиардов рублей. Как я и предсказывал ранее [7], они во многих регионах были искусно "распилены" в пользу частной капитализации хозяйств близких местному руководству людей, посредников, кредитных учреждений, бюрократов.

Если символом либеральной политики "возрождения" российского крестьянства был сделан упоминавшийся архангельский фермер семейного типа Сивков, то на символ бесславного провала этой политики, безусловно, может претендовать оренбургский фермер М. Черных. Трудлюбивый, высококвалифицированный, удачливый в прежние годы потомственный аграрий попал в паутину кредитно-посреднической кабалы, потерял не только хозяйство, но все свои пожитки, и обманутый в надеждах на обещанную аграриям госинтервенцию произведенной сельхозпродукции, оказавшись в безвыходном положении, застрелился из ружья.

Говоря о сегодняшнем этапе раскрестьянивания, я ни слова не сказал о пагубном влиянии на крестьянство капиталистических форм агропромышленной интеграции; о стратегии государственной аграрной политики по избирательной поддержке только экономически эффективных собственников.

В заключение замечу: исходя из состояния современной России, нам надо продолжить анализ не миссии нашего крестьянства в формировании социального государства, а миссии государства в сохранении и адаптации к новым условиям остатков искореняемого сегодня российского крестьянства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс, 1992. СП.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 207.
3. Пайнс Р. Собственность и свобода. М., 2001. С. 311.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Первый набросок ответа на письмо В. И. Засулич. Соч. Т. 19.
5. Староверов В. Историческая реакционность Петра Столыпина // Наука, культура, общество. 2009. N 1.
6. Доло-политика - основанная на систематическом обмане масс социальная политика, чреватая страданиями и геноцидом значительных слоев населения.
7. Староверов В. Проект, обреченный на неудачу // Наука, культура, общество. 2006. N 6. С. 3 - 12.